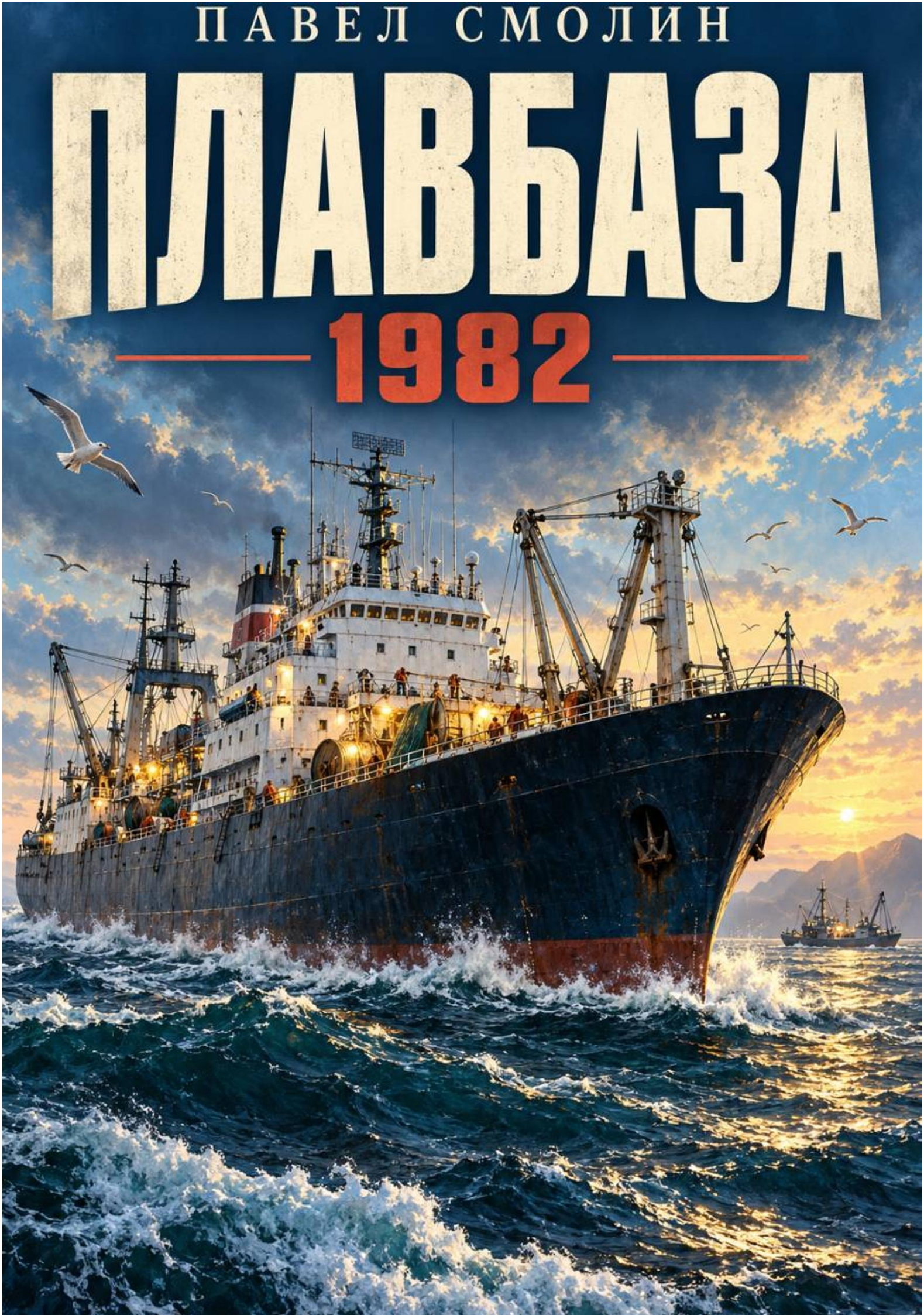
ПАВЕЛ СМОЛИН

ПЛАВБАЗА

1982



Павел Смолин

Плавбаза 1982

«Автор»
2026

Смолин П.

Плавбаза 1982 / П. Смолин — «Автор», 2026

Мне шестьдесят шесть. Было — пока я не проснулся в собственной молодости.На календаре июнь 1982 года. Мне снова двадцать два, мать жива, а впереди — первый рейс на плавбазе «Приморская заря». Рыба идёт, конвейеры гремят, бригады соревнуются за вымпел. Мы обещали дать сто десять процентов плана, и теперь за каждым процентом стоят чьи-то премии, надежды и бессонные смены.Я помню, чем закончилась моя прежняя жизнь. Только память не подскажет, какой подшипник сдаст завтра, и не научит заново разговаривать с людьми, которых когда-то не понял.Зато руки ещё крепкие. Голова работает. И на этот раз я хочу вернуться на берег с другим будущим.

© Смолин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Г 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Павел Смолин
Плавбаза 1982

Глава 1

Железом грохнуло так, что я сел на койке.

За переборкой ответили коротким, сердитым матом. Загудел электродвигатель, и наверху заскрежетало, будто тяжёлый предмет потащили по металлу.

Я что, опять на судне?

Я успел повернуть голову и ударился лбом о верхнюю койку.

— Твою мать…

Потёр ушибленное место. Узкая ладонь легла на лоб, пальцы запутались в волосах. Волос было много. Я провёл по ним ещё раз, от затылка к темени, и застыл с поднятым локтем.

В каюте пахло влажной спецовкой, краской и чужими носками. У двери висело полотенце с синей полосой. За стеклом иллюминатора виднелась причальная стенка.

Я опустил босые ноги. Ступни нашли прохладный линолеум. Встал, привычно придерживая поясницу, и только возле умывальника понял, что придерживать незачем. Спина выпрямилась сразу. Правое колено, которое полагалось сначала согреть движением, тоже ничего не потребовало.

Из маленького зеркала на меня смотрел Витька Лапин.

Лицо худое, щека со следом от наволочки, под нижней губой — порез от вчерашнего бритья. На правой брови узкий белый шрамик. Волосы лезут на уши, взгляд совершенно дурацкий.

Мой взгляд.

Вчера мне было шестьдесят шесть.

Я разогрел суп, посмотрел телевизор, поставил сушиться вымытые чашки. Перед сном вспомнил про коробку с фотографиями в нижнем ящике шкафа. Хотел разобрать её на выходных. Потом лёг, натянув одеяло на плечо, потому что от окна тянуло.

Больше ничего.

Мой диван, тёмная комната и мысль, что завтра надо купить хлеба.

Я открыл кран. Вода ударила в раковину. Холодная, до ломоты в пальцах. Плеснул в лицо. Струйка затекла за ворот майки, и я вздрогнул всем телом.

За дверью застучали шаги.

— Лапин! Ты встал?

Отвечать пришлось сразу, пока человек не начал открывать.

— Встал.

— Шубин тебя искал. К семи велел быть.

Шаги ушли. Я посмотрел на часы, лежавшие возле кружки. Без десяти семь. Механические, с поцарапанным стеклом. Именно эти я потерял осенью, уже после рейса: оставил в бане.

Сейчас часы были здесь.

На переборке над столом висел календарь. На цветной картинке рыбачье судно резало синюю волну. Под картинкой крупно было напечатано: «1982».

Потом сел на край койки. Под ней стояли рабочие ботинки, один завалился набок. Шнурок на нём был оборван и связан узлом. Я помнил, как собирался купить новые шнурки. Кажется, весь рейс собирался.

В кармане брюк нашлись рубль с мелочью, бумажка с номером телефона и пропуск.

«Рыбоконсервная плавбаза Приморская заря».

Находка. Конец июня. Большой рейс на иваси.

Через несколько минут нужно было идти к человеку, который, сколько я помнил, умер ещё до того, как я вышел на пенсию.

Сверху опять грохнуло.

— Да клади ты ровно! — заорал кто-то.

Я выдохнул. Наклонился за ботинками.

Шнурок с первого раза завязать не смог. Зато опоздать к Шубину не хотелось по совершенно понятной причине: он этого не любил.

* * *

В коридоре пришлось посторониться перед мужиками со свёрнутым шлангом. За открытой дверью женщина, стоя на стуле, крепила занавеску. Работало радио.

Я спустился по трапу слишком быстро. На нижней ступеньке остановился, посмотрел на свои колени и зачем-то согнул ноги ещё раз.

Они гнулись без хруста и без той короткой паузы, когда ждёшь, прихватит или обойдётся.

— Лапин, тебе здесь потанцевать места мало?

Мимо прошёл широкоплечий парень с досками на плече. Я отступил и невольно засмеялся.

Завод встретил тёплым запахом смазки. Вымытое перед выходом железо казалось голым. Транспортёры стояли, у одной машины был снят кожух, вдоль прохода стояли ящики и лежали бухты. Две консервные линии уходили между стойками; я узнал их сразу, а вот расстояния помнил другими. В памяти проход был шире.

У верстака стоял Шубин.

Седины в волосах почти не было. На крепкой шее темнела полоска загара, рукава рабочей куртки были подвёрнуты. Он держал карандаш у самого грифеля и что-то отмечал в замасленной тетради.

Я остановился так резко, что идущий следом человек чуть не налетел мне на спину.

Шубин поднял голову.

— Явился.

— Живой, курилка, — сказал я.

В остановленном заводе было хорошо слышно. Карандаш замер.

— Ты это кому, Лапин?

Я не мог убрать с лица улыбку. Шубин нахмурился.

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Да. Спросонья.

— Тогда просыпайся. Здесь тебе не кубрик.

Он отвернулся к тетради, дав мне возможность перестать на него пялиться.

Возле верстака присел на корточки второй человек. Он перебирал свёрла, раскладывая их на чистой тряпке. Тёмные волосы, узкое лицо, тяжёлые веки. Рустам. Без усов, которые я почему-то мысленно ему пририсовал. Наверное, усы были у совсем другого человека.

— Доброе утро, — сказал я.

Рустам поднял глаза.

— Уже вижу, что доброе.

Шубин вырвал из блокнота листок и протянул мне.

— Нижняя линия. Подача пустой тары, привод транспортёра, крепления. По перечню. Сначала осмотр, потом скажешь, что нашёл. Ничего не разбираешь без меня.

Я взял листок. Написано было тесно, с сокращениями. Внизу отдельно стояло: «ЗИП — сверить».

— На верхней подача ещё со старым натяжением? — спросил я. — Там лучше бы сразу…

— На верхней у тебя задания нет.

Тон был спокойный. От этого почему-то стало хуже.

— Я только…

— Нижнюю осмотри. Если увидишь что-то ещё, доложишь. Сейчас электрики будут подключать для проверки. Смотри, чтобы тебя с твоими мыслями туда не затянуло.

Рустам отвернулся к свёрлам, но я успел заметить улыбку.

Я сунул листок в карман и пошёл за инструментом.

С Шубиным мы потом работали много лет. А он знал меня другим: недавно вернувшимся со службы парнем, который умел работать руками, любил поспорить и иногда путал одно с другим.

* * *

Инструмент пришлось искать.

Я точно помнил шкаф у поперечной переборки. Открыл дверцу, обнаружил внутри ветошь, пустую маслёнку и чужие сапоги. Постоял перед ними в недоумении.

— Если сапоги понадобились, размер сначала спроси, — сказал Рустам из-за спины.

Он поставил на верстак коробку и достал из неё несколько ключей.

— Инструмент где?

— Там, где вчера оставил.

Он кивнул в другую сторону.

Шкаф стоял возле стойки, за ящиками. На дверце изнутри белой краской было выведено «ЛАПИН». Последняя буква съехала вниз. Сам рисовал и тогда решил, что сойдёт.

Я взял ключи, фонарь и ветошь. Электрик показал, что останется обесточенным, а что собираются подключать для пробы, и велел без него к пуску не подходить.

У работы был понятный порядок, и от этого стало легче. Посмотреть крепления, пройти по приводу, проверить доступное руками, отметить непонятное. Над тем, куда делись сорок четыре года, можно было подумать позже.

Я присел у подающего транспортёра.

На нижней опоре виднелся потёк. Провёл по нему тряпкой, посветил, осмотрел место выше. Старое масло. После уборки просто не дотёрли. На болте крепления желобка остался свежий след ключа: недавно подтягивали.

А вот здесь, по памяти, должна была стоять косынка.

Я посветил под рамой. Никаких следов сварки.

Косынку я помнил: треугольная, с грубо срезанным углом, чтобы подлезать ключом.

Только поставили её, похоже, позже.

После этого рейса? В следующем году? Или на другом судне с похожим оборудованием?

Я сел на пятки и выругался.

Сорок с лишним лет работы — это здорово. Пока не требуется выяснить, в каком году ты видел конкретную железку.

Из-за транспортёра показались Рустамовы ботинки.

— Потерял что?

— Здесь рама не играла?

Он наклонился, посмотрел, куда я свечу.

— Когда?

— При работе.

— На этой не замечал. Крепление желоба подтягивал. Было отпущено.

Я кивнул на болт:

— Вижу.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Проверяю.

Рустам пошёл дальше, а я выбрался из-под машины.

В голове начинала собираться давняя история, которую я пересказывал двумя фразами. Рейс вышел скверный. Рустам после него ушёл.

Что-то случилось с консервами. Был шум, были разговоры о потерях, потом мы сидели у знакомого на кухне и спорили, кто виноват. Молодой я пил, сердился и главным образом жалел собственные деньги. Рустам тогда тоже сердился, только по другому поводу. Мне казалось, он вечно чем-то недоволен.

Теперь я даже не мог вспомнить, на каком месяце всё произошло.

Я развернул листок и записал возле первой строки: «Осмотрено. Проверить в работе».

К девяти мы закончили с осмотром и с Шубиным проверили движение транспортёра. Перед пуском он обошёл участок, убедился, что никто не работает внизу, и только потом кивнул электрику.

Цепь пошла ровно. Пустые банки зазвенели, сталкиваясь на подаче. Я следил за участком, где раньше ожидал увидеть косынку. Ни заметного перекоса, ни дрожания сверх обычного.

Я доложил Шубину об осмотре. Про отсутствующую косынку промолчал: это была лишь моя догадка. Когда упомянул желобок, он кивнул:

— Рустам делал. У меня записано.

На следующем пуске одна банка легла набок. Человек у подачи остановил движение, поправил её, и проверку продолжили. Я отметил место, но делать выводы по одной банке не стал. Такое могло случиться просто при загрузке.

Шубин посмотрел на часы.

— Ладно. Теперь запасы. Вдвоём быстрее управитесь.

Рустам молча поднял с верстака опись.

* * *

Ящики стояли в тесном помещении за мастерской. Чтобы добраться до нижнего, пришлось вынести в проход два верхних. Поверх старых надписей на крышках были нанесены новые.

Рустам сел у дверей с описью. Мне достались ящики.

— Подшипники сначала, — сказал он.

— Давай.

Я вскрыл первый. Запах консервационной смазки вызвал в памяти другую мастерскую: бетонный пол, стакан с чаем возле точила. Уже на берегу, много лет спустя. Рустам переспросил:

— Сколько?

Я назвал маркировку и количество.

Он проверил по листу, поставил отметку.

Один пакет оказался подписан неверно. Внутри лежало то же количество, но другой размер. Мы развернули остальные, сверили, нашли нужное в соседнем ящике. Рустам зачеркнул старую надпись и написал новую так тщательно, будто оформлял приглашение на собственную свадьбу.

— Там и так было понятно, — сказал я по старой привычке.

Он посмотрел на меня.

— Сейчас понятно. А ночью понадобится?

Рустам сунул карандаш за ухо.

— Ты держи пакет, я бумагу заверну.

Мы работали до обеда. Несколько позиций пришлось отложить для Шубина: в описи стояло одно, по факту выходило другое, а решать, чем можно заменить недостающее, не нам.

В столовую мы пришли вместе, но сели порознь. Он заметил знакомого и пошёл к нему. Я устроился с краю длинного стола.

На подносе были щи, котлета с макаронами, хлеб и компот. Еда обжигала язык. Я ел быстро, потом заставил себя остановиться. Мог жевать с обеих сторон, без выбора мягкого куска. Поймал себя на том, что радуюсь этому сильнее, чем новому лицу в зеркале.

Я поднял голову и разглядел над дверью красные буквы про шестьдесят лет Союза. Ниже висело объявление о собрании перед выходом.

Я всё ещё ждал, что кто-нибудь скажет: ну хватит, Виктор, пора вставать, ты же хлеб собирался купить.

Компот закончился. Я посмотрел на ладони, перевернул их.

— Чего гадаешь? — спросил сосед.

— Смотрю, работать придётся.

— А ты куда нанялся?

Он придвинул мне корзинку с хлебом.

Я взял кусок.

* * *

После обеда сверку принял Шубин. Две позиции он нашёл в своей тетради, третью обвёл карандашом и сказал, что проверит заявку. Когда дошли до верхнего ящика, Рустам сам подал ему завёрнутую деталь.

Механик снял бумагу, посмотрел на маркировку.

— Это пойдёт. Остальное здесь есть?

Рустам кивнул.

— По закаточной сегодня ещё пройдёмся, — сказал Шубин. — И пометь на ящике, к какой машине комплект. Чтобы потом по всему заводу не искать.

Я вспомнил утреннюю рустамову аккуратность и взял карандаш без замечаний.

Вторая половина дня прошла у закаточных машин. Здесь банка получала крышку с плотно завёрнутыми краями — швом, от которого зависело всё содержимое. Я знал, как легко после нескольких удачных проверок перестать ждать неприятностей.

Рустам закрепил стойку с измерительным прибором, Шубин проверил установку. Я помогал, подавал инструмент и записывал то, что он диктовал. Механик несколько раз возвращался к одному из узлов, менял положение, проверял снова.

— Здесь как раньше? — спросил я.

— Что именно раньше?

Я едва не сказал: до того, как началось.

— До подготовки.

— Обслуживание сделали. Посмотри запись.

Он дал тетрадь. На полях стояла дата, дальше шли короткие строки. По этим записям было видно, что машину смотрели и до сегодняшнего дня. Был перечень сделанного и того, к чему ещё предстояло вернуться.

Я прочёл дважды.

Текущее состояние позволяло работать. Один узел требовал внимания, но между «требует внимания» и «сейчас всё развалится» лежала большая часть жизни любой старой машины.

— Глубже полезем, когда будет окно, — сказал Шубин. — Здесь время понадобится. На коротком перерыве раздербанить успеем, собрать уже не успеем.

— В перечне оставляем?

— Конечно оставляем. Зачем, думаешь, записано?

Я вернул тетрадь.

При проверке в движении мы стояли снаружи ограждения. Машина грохотала, банки уходили одна за другой, привычно меняя звук после каждого рабочего движения. Отобранные образцы передали на проверку. Позже пришёл ответ: по проверенному замечаний нет.

Я посмотрел на Шубина. Тот уже разговаривал с электриком, наклонив голову, чтобы расслышать за шумом.

В памяти осталось много обвинений, только я не знал, относились ли они к этой машине. Не помнил даже, кто первый их высказал. Зато сейчас сам видел проверки и людей, которые их проводили.

Я подошёл к столу, где лежала опись, и дописал место хранения комплекта.

Потом убрал инструмент и полез под раму за забытым фонарём. Моей необыкновенной мудрости хватило на то, чтобы о нём вспомнить.

Когда я вернулся в мастерскую, Рустам стоял перед Шубиным. Разговор шёл негромко, без свидетелей они, видимо, предпочли бы обойтись. Я поставил коробку у шкафа и принялся протирать ключи.

— Я не про сегодня спрашиваю, — говорил Рустам. — Сегодня я здесь, работу делаю. Мне надо понимать, на что дальше рассчитывать.

— Дальше в рейсе посмотрим.

— Мы уже посмотрели. Вы зимой так сказали.

Шубин положил карандаш.

— Рустам, я сейчас тебе должность из кармана не выну.

— Я не прошу из кармана. Вы сказали: подготовлю, дадут самостоятельный участок, можно будет дальше оформлять. Я подготовил. Что осталось?

Механик помолчал.

Я подумал: опять выколачивает себе место получше. Потом вспомнил, сколько работы он успел сделать за день.

— Комплектование ещё не закрыто, — сказал Шубин. — Будет решение, скажу.

— Когда?

— Я тебе ответил.

Рустам снял с верстака свою тетрадку. Не бросил, не хлопнул ею по ладони. Просто взял и убрал в карман. От этого разговор показался неприятнее, чем если бы они поругались.

— Понял.

Он вышел. Я продолжал протирать один и тот же ключ. Шубин посмотрел на мои руки.

— До дыр его вытрешь. Что по нижней?

Я доложил по порядку, оставив советы насчёт верхней линии при себе.

Он выслушал, забрал листок.

— Завтра повторим с подачей. Сегодня всё убери. Проход освободить, ящики на места. Крепёж не оставляй на машинах.

Я кивнул.

* * *

К концу работы руки пахли железом даже после мытья. На большом пальце появилась ссадина. Я разглядел её почти с удовольствием: настоящая, полученная сегодня, с понятной причиной.

Ящики мы с Рустамом вернули на места. Он держал тяжёлый край, я направлял, чтобы не зацепить дверной косяк. Разговоров не было. Закончив, он собрался уходить, но я его окликнул:

— Ты говорил, желоб подтягивал. Давно?

— Вчера. А что?

— Завтра ещё посмотрю при подаче. Одна банка легла на проверке.

— Я видел.

Он задержался у дверей.

— Только там по одной банке не поймёшь. Пустили мало.

— Знаю.

— Ну и посмотри.

Он ушёл. Я закончил убирать и вышел следом.

Возле трапа стоял Шубин. К нему подошёл мужчина с какими-то бумагами, спросил про увольнения на берег. Я услышал, что завтра после окончания дел людей будут отпускать до вечера.

Весь день я держался за машины и работу, потому что там хоть что-то поддавалось проверке. За пределами завода был берег, откуда везли запчасти и приходили люди.

Теперь почему-то вспомнилась жёлтая эмалированная кастрюля. На крышке возле ручки был маленький скол. Ещё клеёнка с цветами и форточка, которую подпирали обломком деревянной линейки.

Мать открывала её, когда на кухне становилось жарко.

Я остановился посреди прохода.

Двадцать два года. Если мне двадцать два, ей сейчас сорок шесть.

Живёт в Находке. Приходит с работы, гремит этой кастрюлей и сердится, что сын перед рейсом почти не показывается дома. Я снова услышу её голос — тот самый, который с годами становилось всё труднее вспомнить.

У меня пересохло во рту.

Мужчина с бумагами ушёл. Шубин повернул ко мне голову.

— Что ещё?

— Завтра можно на берег?

— Если своё закончишь. До двадцати двух вернуться. Там у вахтенного узнаешь порядок.

Я кивнул и остался стоять.

— Тебе куда надо-то?

— Домой.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ну так иди. Только сначала работу доделай.

— Доделаю.

Я поднялся по трапу и на этот раз шёл медленно, держась за поручень.

Мне надо было вспомнить, где лежит ключ от квартиры. Маленький, на треснувшем пластмассовом колечке. Я точно его носил. Или оставлял здесь, в каюте?

Потом понял, что ключ мне не нужен.

Можно просто позвонить в дверь.

Глава 2

Ключ нашёлся в мыльнице.

Я высыпал его на ладонь вместе с размокшим обмылком, посмотрел и сел на койку. Вот ведь куда положил. Чтобы не забыть, разумеется. Других причин не было.

До увольнения оставался почти целый день.

Я закрыл мыльницу и убрал обратно в шкафчик. Ключ сунул в карман. Потом достал, вытер и сунул в другой, застёгивающийся. Проверил пуговицу.

Всю ночь снились обычные вещи. Я ехал в автобусе, искал нужный поворот, почему-то выходил раньше. Просыпался, видел нижнюю сторону верхней койки и снова засыпал. Под утро наконец провалился так крепко, что Рустаму пришлось стукнуть в дверь дважды.

— Витька, живой?

— Уже.

— Тебя вчера тоже оживляли. У вас это семейное?

Я ответил ему что-то вполне молодое. За дверью хмыкнули.

На завод я пришёл вовремя.

Повторная проверка подачи ничего нового не дала. Тару пустили, потом остановили, проверили крепления. Я смотрел на желобок, у которого вчера легла банка, но сегодня банки шли послушно. Под ними двигалась цепь, всё звенело, но понять причину рывков это не помогало.

— Записывай как есть, — сказал Шубин. — А не как хочется.

Он, наверное, принял моё сосредоточенное лицо за желание непременно найти неисправность. Я записал: при проверке повторения не было.

Потом пришлось помогать с креплением ящиков. Шубин проверял готовность участка к выходу и находил удивительно много вещей, которые на стоянке всем казались устроенными превосходно. Банка с болтами на верхней полке. Длинный обрезок трубы за шкафом. Крышка, которую прислонили к переборке и собирались убрать ещё вчера.

— Море вам уборщицей нанялось? — спросил он.

Трубу убрали первой.

К обеду я успел дважды посмотреть на часы. После обеда перестал считать.

Человек в шестьдесят шесть лет может довольно убедительно рассуждать о терпении. Двадцатидвухлетний организм совершенно не желает слушать эту херню, когда до встречи осталось несколько часов.

* * *

В коридоре у жилых кают стоял худой парень с холщовым мешком. Из мешка торчали тапки, завёрнутые в газету. Перед парнем женщина перебирала какие-то бумаги.

— Это оставь у себя, — говорила она. — Это мне. Справку куда дел?

— Ир, я положил.

— Куда?

— Внутрь.

— Вот поэтому и спрашиваю: куда?

Она была постарше нас с Рустамом, с гладко убранными волосами и лицом человека, который уже решил три чужие проблемы, а сейчас обнаружил четвёртую. Я узнал её не сразу. В памяти Ирина всегда стояла в рабочей одежде, над линией, и разговаривала так, что слышали сквозь шум.

Юра. Её брат.

Он прижимал мешок к животу и смотрел на проход с таким выражением, будто надеялся увидеть пожарную команду. Любой пожар избавил бы его от необходимости ещё раз объяснять, где лежит справка.

— Лапин, подожди, — сказала Ирина, заметив меня. — Шубин у себя?

— На заводе был.

— Ты ему передай, если раньше увидишь. По Юре надо поговорить. Чтобы пока тяжёлое не таскал один, он спину…

— Я ничего не делал со спиной, — сказал Юра.

— Я знаю, что ты не делал. Поэтому и говорю.

Он отвёл глаза.

Я вспомнил этого парня гораздо позже, уже крупным мужчиной, с коротко стриженной головой. Откуда вспомнил — не понял. На каком-то береговом ремонте встречались? Или просто видел похожего?

Вчерашняя косынка научила меня не доверять таким картинкам с первого раза.

— Если увижу, скажу, что ищешь, — ответил я.

Ирина кивнула, снова занялась бумагами.

— Тапки-то зачем сверху положил? Выпадут.

— Не выпадут.

— Дай сюда.

Юра отдал мешок. По лицу у него одновременно прошли облегчение и такая злость, что я поспешил отвернуться. Знакомое дело. Сначала за тебя всё устраивают, потом ты стыдишься, что устроили, а отказаться уже неудобно: человек ведь старался.

Через полчаса я увидел Ирину возле мастерской. Она разговаривала с Шубиным сама. Значит, передавать ничего не понадобилось.

Я взял очередной ящик и понёс на место.

* * *

Перед уходом я вымылся, побрился и долго не мог решить, в чём идти.

В шкафчике лежали вещи, которые я когда-то считал хорошими. Рубашка с жёстким воротником, брюки, ремень с крупной пряжкой. Сейчас всё это казалось одеждой чужого сына. Натянул рубашку, посмотрел в зеркало и обнаружил, что сын получился вполне ничего.

На щеке осталась маленькая царапина. Молодая кожа, как выяснилось, не отменяла кривых рук при бритье.

В карманах проверил ключ, деньги, пропуск. За конвертом пришлось вернуться: Шубин велел по дороге занести бумаги человеку на берегу. Фамилию я повторил про себя трижды. На фоне того, куда шёл, любое поручение грозило вылететь из головы.

Вахтенный посмотрел пропуск, записал меня и напомнил время возвращения.

Я сошёл по трапу.

Под ногами оказалась неподвижная земля. Несколько шагов я шёл, всё ещё ожидая судовой тесноты: сейчас надо будет посторониться, пригнуть голову, переложить что-нибудь с дороги. Но впереди был свободный кусок причала, мокрые пятна на бетоне и человек на велосипеде. Человек придерживал на багажнике длинный свёрток, поэтому ехал криво.

Из-за складов тянуло тёплой пылью.

Находка.

Я знал этот город десятилетиями, но теперь он открывался мне с той стороны, которую я почти перестал помнить. Низкие деревья, пустое место возле знакомого дома, чужая вывеска. Там, где полагалось стоять магазину, был забор. Я даже шаг замедлил, прежде чем сообразил: магазин появится позже.

Зато автобусная остановка находилась там же.

Я занёс конверт, дождался, пока человек проверит бумаги, и получил короткое:

— Шубину скажи, принято.

Сказать, принято. Возвращение до двадцати двух. Пропуск во внутреннем кармане.

Я цеплялся за эти мелочи, чтобы не побежать.

Автобус подошёл почти сразу. Внутри пахло нагретой обивкой и чьими-то духами. Женщина у окна держала авоську, из которой торчал зелёный лук. Я встал возле задней двери, заплатил за проезд, ухватился за поручень.

Через две остановки потянулся было к выходу.

Не туда.

Я много лет ездил к матери другим маршрутом. Потом она переехала, а ещё позже я сам сменил квартиру. Несколько разных городов наложились один на другой. Сейчас мне предстояло попасть в тот, где я умел бегать по лестнице через две ступеньки и считал, что все старше сорока уже пожили.

У нужного поворота вышел.

Возле дома сохли доски. На лавочке сидели две женщины. Одну я помнил с палочкой и в пуховом платке; теперь она закинула ногу на ногу, курила и смеялась, запрокинув голову.

Я отвернулся раньше, чем она заметила мой взгляд.

Дом выглядел почти новым. Осыпавшийся угол, который мне всегда мешал обходить лужу, был цел. Металлической двери с кодом не существовало. Я толкнул обычную, деревянную, вошёл в подъезд и остановился у почтовых ящиков.

Пахло варёной картошкой.

Наверху хлопнула дверь. Кто-то крикнул ребёнку, чтобы не забыл панаму.

Я поднялся на свой этаж.

Ключ в кармане упирался в палец. Доставать его не стал. Нажал кнопку звонка.

За дверью передвинули стул.

— Сейчас!

Я зажмурился.

* * *

— Витя? А чего не своим ключом?

Она держала полотенце и вытирала руки. На щеке возле уха прилипла тонкая ниточка. Волосы были собраны кое-как, домашний халат на локте потемнел от воды.

— Мам.

— Что мам? Потерял?

Я обнял её прямо в дверях.

Она упёрлась ладонью мне в грудь.

— Погоди, я мокрая. Ты куда…

Потом замолчала. Одной рукой обняла меня за спину, второй так и держала полотенце.

Я помнил её маленькой, ссутулившейся от старости. А сейчас она была почти со мной ростом. И спина под халатом была крепкая, и волосы пахли мылом. Я пытался что-то сказать, но получалось только дышать ей в плечо.

— Что случилось? — спросила она уже другим голосом.

— Ничего.

— На судне что-то?

— Всё нормально. Просто соскучился.

Мать отстранила меня настолько, чтобы посмотреть в лицо.

Врать матери было трудно даже в двадцать два. Со всеми дополнительными десятилетиями легче не стало.

— Вить, ты заболел?

— Нет. Не выспался.

Она приложила ладонь ко лбу. Я чуть не засмеялся, но вовремя отвернулся.

— Заходи. Разулся бы сначала, моряк.

Я разулся. Ботинки поставил ровно, носками к двери. Мать заметила это, но промолчала.

Кухня оказалась меньше, чем я помнил. Жёлтая кастрюля стояла на плите. Под форточкой белела линейка с отколотым краем. На столе лежал нарезанный хлеб, прикрытый перевёрнутой глубокой тарелкой.

Я взялся за спинку стула.

— Руки мой. Сейчас разогрею.

В ванной узнал зеркало с чёрным пятном в углу, свою старую зубную щётку и мыльницу с трещиной. Над раковиной капал кран. Я завернул его сильнее, но капля собралась снова.

— Не затягивай! — крикнула мать. — Потом не отвернуть.

— Прокладка есть?

Она выглянула из кухни.

— Какая прокладка?

— Для крана.

— Вить, сядь поешь сначала.

Я вытер руки и сел.

Она поставила передо мной тарелку. Картошка, мясо, подливка. Отдельно огурцы, укроп, помидор, разрезанный на четыре части. Спросила, как кормят на судне. Я ответил, что хорошо.

— Ну и правильно. Вы там работать будете, а не отдыхать.

Я ел и слушал.

У соседки снова течёт сверху. На работе обещали заменить окно, но пока только посмотрели. В магазине дали хорошие полотенца, она взяла два, одно мне. Витя, не забудь потом забрать. И носки тоже. Те, что я принёс стирать, она давно выстирала.

Я ничего этого не помнил.

Как-то устроил свою память так, что в ней сохранились большие ссоры, смешные случаи, чьи-то похороны, работа, неприятности. А вот этот ужин исчез начисто. Сколько ещё таких было — сотни? Тысячи? Я сидел за столом, ел её картошку и наверняка думал о чём-то срочном, куда более интересном.

Сейчас хотелось, чтобы она ещё раз рассказала про окно.

— Ты чего молчишь? — спросила мать.

— Слушаю.

— Да? Надолго тебя хватит?

Она усмехнулась и села напротив с чашкой.

— Когда выходите?

— Утром, если больше ничего не изменят.

— Вот видишь. А я думала, ещё завтра зайдёшь.

— Я бы зашёл.

— Знаю я тебя.

Это было сказано без обиды, и оттого я опустил глаза.

Мать подвинула ко мне огурцы.

— Ты только напиши, как можно будет. Не жди, пока много накопится. Хоть два слова.

— Напишу.

— Адрес наизусть помнишь?

— Помню.

— А то запишу.

— Мам, я помню.

Она кивнула, как будто на этом мы окончательно договорились. Спросила про людей, с которыми иду. Я рассказал про Шубина. Про Рустама сказал, что толковый парень, хотя сказать это ещё вчера мне было бы труднее.

Мать пила чай, смотрела на меня поверх чашки.

— После службы повзрослел всё-таки.

Я едва не подавился.

— Есть немного.

— Немного, — согласилась она. — Посмотрим ещё.

* * *

После еды я всё-таки взялся за кран.

Мать принесла жестяную коробку, в которой хранилось всё, что когда-нибудь могло понадобиться для ремонта. Винты, обломок ручки, две шайбы, дверная петля. Прокладка тоже нашлась. Старая, но годная.

Инструмент лежал под ванной, завёрнутый в тряпку. Я перекрыл воду, разобрал головку, показал матери расплющенную резинку.

— Вот из-за неё.

— Я вижу.

Она держала фонарик так, что светил он главным образом мне в ухо. Я попросил направить ниже. Мать послушалась, потом всё равно наклонилась поближе.

Работы было на несколько минут. Я управился не сразу: неудобно, тесно, ключ срывался. Под конец пришлось вылезти из-под раковины, потянуть плечом и снова полезть.

— Не надорвись там, — сказала мать.

Я засмеялся.

Она посмотрела на меня с подозрением.

Когда воду открыли, кран молчал. Мать подождала, провела пальцем под носиком, потом сказала:

— Ну вот. А я всё собиралась слесаря звать.

— Чего же не звала?

— Да некогда. И дома сиди, жди.

Я убрал инструмент, вытер лужицу на полу. На коленях брюк осталось по мокрому пятну. В прежней жизни это испортило бы мне настроение до самого вечера.

Теперь просто сел так, чтобы быстрее высохли.

Мать принесла полотенца и носки, сложила на стул.

— Деньги-то у тебя есть?

— До рейса хватит.

— Я могу дать немного.

— Не надо. У тебя самой как?

Она махнула рукой.

— Нормально.

Я уже хотел задать сразу пять вопросов. Про сбережения, долги, крупные покупки, здоровье. Поймал себя на этом и вместо допроса спросил, что за окно обещали заменить.

Выяснилось, что на работе. Домашнее пока держится, только закрывается плохо. Ещё нужно было подремонтировать обувь к осени, но это мать называла не расходом, а «потом схожу».

Я запомнил.

Сейчас в кармане лежали рубли на дорогу и мелочи. Вынуть их с важным видом и назначить себя семейным кормильцем было бы довольно смешно.

— Я после рейса откладывать начну, — сказал я.

— На что?

— На жильё. Ну и запас, чтобы не от получки до получки.

Мать перестала складывать носки.

— Это тебе кто посоветовал?

— Сам подумал.

— Хорошо подумал. Только ты вначале вернись. А то у тебя прошлый раз тоже были планы. Сначала одни, потом другие.

— Знаю.

Я их не помнил. Вероятно, планы были прекрасные. В двадцать два других обычно и не строят.

— И домой чего-нибудь купим, — добавил я.

— Домой у нас всё есть.

— Кран видел.

— Кран ты уже сделал.

Она улыбнулась, и на щеке появилась складочка, которой я совершенно не помнил. Я смотрел на эту складочку, пока мать не спросила, что такое.

— Ничего. Чаю ещё можно?

— Конечно можно.

Она всталак плите.

Я остался за столом. За окном кто-то выбивал половик. Звук шёл через открывшуюся форточку, вместе с запахом нагретой земли. На клеёнке возле моей руки остался круг от чашки. Я стёр его пальцем.

Не надо было никуда спешить ещё целых сорок минут.

* * *

Мы успели выпить второй чай и поговорить о том, в чём я уйду на берег осенью. Мать считала, что куртка ещё хорошая. Я не знал, какая именно куртка, поэтому согласился. Потом она заметила на моей рубашке плохо державшуюся пуговицу и потребовала снять.

— Мам, некогда уже.

— Ты пока носки сложи.

Пришлось сидеть в майке и смотреть, как она продевает нитку в иголку. Продела с первого раза. Руки двигались быстро, уверенно, и я опять ощутил странный укол радости: ей не нужно было придвигать ткань к глазам, искать очки, жаловаться на пальцы.

— На судне-то иголка есть? — спросила она.

— Найдётся.

— Найдётся у него. Положу тебе.

Она действительно положила: маленькую бумажку с двумя иголками, несколько пуговиц, нитки. Я принял всё без сопротивления. Тут мать окончательно удивилась.

— Ты точно мой сын?

— Твой.

Я сказал это так серьёзно, что она на мгновение замолчала.

Потом велела не забыть полотенца.

Проводила до лестницы. Я поцеловал её в щёку, обнял уже осторожнее, чем в первый раз.

— Вернусь, — сказал я.

— Конечно вернёшься. Куда ты денешься?

Она стояла в дверях, придерживая халат у горла. Я спустился на пролёт и обернулся. Мать всё ещё смотрела вслед.

— Пиши! — сказала она.

— Напишу.

На улице я сначала пошёл не в ту сторону. Остановился, развернулся. Время до возвращения ещё было, но теперь мне хотелось попасть на судно пораньше.

Я не мог пообещать матери, что рейс пройдёт хорошо. Не знал, сколько заработаю, что сумею изменить и где облажаюсь сам. Зато вернуться на борт вовремя было делом совершенно доступным.

С него и стоило начать.

* * *

Возле проходной стояло несколько семей. Кто-то провожал сегодня, не рассчитывая успеть утром. Маленькая девочка держала мужчину за два пальца и болтала, не давая ему вставить слово. Женщина поправляла воротник парню, который делал вид, что страшно этим недоволен. Сам подставлял шею.

Чуть дальше Юра спорил с Ириной.

— Я сам отнесу.

— Там ещё пакет…

— Я вижу, что пакет. Я отнесу.

На этот раз сестра отпустила ручку сумки. Юра чуть не потерял равновесие, потому что потянул сильнее, чем требовалось. Выровнялся, подхватил второй пакет и пошёл к проходу. Ирина постояла, глядя ему вслед, потом заторопилась за ним.

У каждого здесь был человек, которого следовало дождаться, успокоить или от которого хотелось хоть ненадолго отделаться. Завтра всех нас соберут за одним бортом, и эта разница никуда не исчезнет.

Я показал пропуск. До положенного времени оставалось больше часа.

Вахтенный отметил моё возвращение и кивнул на свёрток:

— Накормили?

— Да.

— Сразу видно.

Я улыбнулся и пошёл наверх.

В каюте положил полотенца на полку, швейные принадлежности — в ящик стола. Ключ оставил в застёгнутом кармане береговых брюк. Убирать в мыльницу больше не собирался.

Потом переоделся и спустился на завод.

Там горел свет. Шубин ещё работал с бумагами. Он поднял голову, увидел меня и посмотрел на часы.

— Чего пришёл?

Я передал ответ про конверт.

— Принято, значит? Хорошо. А сам чего?

— Посмотреть, всё ли закрепили. Завтра времени не будет.

Он помолчал, словно прикидывал, не поручил ли мне это сам и не забыл ли.

— Пройдись. Сверху ничего не оставляй.

Я взял фонарь.

В прежний раз вечер перед выходом наверняка прошёл интереснее. С кем-то сидели, что-то отмечали, куда-то опаздывали. Из всего этого не осталось даже внятной картинки.

Теперь я проверял крепления ящиков. Нашёл под верстаком шайбу, убрал её. Подтянул ремень, которым удерживался тяжёлый свёрток. Посмотрел, свободен ли проход.

Мне нужно было заработать денег, вернуться целым и знать, куда идти работать дальше. А ещё написать письмо при первой возможности.

Список был короткий. Впервые за очень долгое время меня это устраивало.

Наверху глухо хлопнула дверь. Где-то протянули по палубе шланг.

Завтра уходили.

Глава 3

Берег ушёл без моего участия.

Пока наверху выбирали швартовы, я стоял на заводе возле закреплённых ящиков и слушал, как меняется гул под ногами. На стоянке к нему быстро привыкаешь. Здесь что-то дребезжит, там работает насос, за переборкой стучат. А теперь из общей мешанины проступила тяжёлая ровная дрожь.

Шубин поднял голову от своих записей.

— Пошли.

Сказал спокойно, будто речь шла о том, что кто-то принёс запчасть.

Я тоже кивнул.

На берегу сейчас оставалась мать. Она, наверное, собиралась на работу, поглядывала на часы и прикидывала, успели ли мы выйти. Календарь над столом, мой вчерашний стул, кран, из которого больше не капает.

Я сунул руку в карман спецовки, нашёл сложенный рабочий листок и развернул.

Надо было пройти участок.

На верхнюю палубу меня отпустили позже, когда закончили первое дело. Я вышел на несколько минут, держась подальше от людей, занятых отходом. На палубе ещё убирали снасти. Боцман, которого почти все звали Бурым, проводил рукой по воздуху, показывая, куда перенести свёрнутый трос.

Бурый был плотный, с короткой шеей и крупными кистями. Он не суетился, зато остальные двигались быстро. Молодой матрос хотел перешагнуть там, где следовало обойти, и получил короткое:

— Куда ногу? Назад.

Матрос вернул ногу. Спорить не стал.

Причал медленно отдалялся. Между бортом и стенкой появилась вода, в которой ещё плавали какие-то щепки. Вдалеке стояли суда. Над водой висел знакомый запах порта, но ветер всё увереннее разбавлял его солью.

Бурый заметил меня.

— Лапин, любуешься?

— Пять минут.

— Любуйся с той стороны. Здесь не стой.

Я перешёл. Никакого особого места мне, разумеется, не полагалось. Отходом командовали с мостика, палубой распоряжался боцман, а меня ждали механизмы, которым было плевать на красоту прощания.

Я посмотрел на город ещё раз и вернулся вниз.

* * *

Через час оказалось, что молодой организм имеет собственное мнение о качке.

Не то чтобы меня сразу вывернуло. Сначала просто стало жарко. Потом я заметил, что слишком внимательно сглатываю. Потом Рустам посмотрел на меня и подвинулся от прохода.

— Если что, туда.

— Знаю.

— По лицу видно.

Я давно забыл, что такое морская болезнь. Только этому телу было двадцать два, и оно имело собственные привычки.

Пришлось выйти, постоять на воздухе и некоторое время смотреть вдаль. Молодость вернула мне и несколько неудобств, о которых я не просил.

Когда вернулся, Рустам молча протянул ветошь.

— Воротник вытри.

Я вытер пот.

Он ничего не добавил. За это я был ему благодарен.

Шубин отправил нас проверить крепления после начала перехода. Один ящик в кладовой действительно пытался понемногу разгуляться. На стоянке ремень казался натянутым, теперь между ним и крышкой входила ладонь.

Рустам придержал, я перетянул. Потом поменялись местами и проверили соседний.

— Вчера всё было туго, — сказал я.

— Вчера стояли.

Тоже верно. Я отметил крепление в листке.

* * *

К приёмке готовились так, будто рыбак должен был возникнуть у борта через десять минут.

На самом деле до начала работы оставалось время, но это ничего не меняло. Шубин дал мне перечень и велел пройти вместе с людьми производства.

— Где наши крепления и привод, смотришь сам. По остальному записываешь замечания. Никаких «они вроде сказали». Фамилию спроси, что именно надо, уточни.

Я пошёл.

Возле приёмной части двое рабочих проверяли, свободен ли проход. Мне пришлось ждать, пока они освободят место у привода. Один носком сапога отодвинул деревянную подкладку, второй немедленно велел убрать её совсем.

На этом участке принимали свежий улов. Дальше рыба попадала к людям и машинам. Здесь не получалось сложить её в угол до удобного случая. Остановка в середине цепочки быстро сказывалась и на приёмке, и на следующих операциях.

Я осмотрел крепления, записал два замечания и пошёл дальше.

Женщина с тёмной косынкой на голове увидела мой листок и подозвала:

— Ты от механика?

— От него.

— Посмотри здесь. Когда вымоют, вода остаётся. По проходу потом растаскивают.

Оказалось, она говорила о месте возле опоры, где плохо уходила вода. Я присел, посветил. Тут требовалось сначала очистить, а потом смотреть, осталась ли причина. Сказал ей об этом.

— Я и говорю, проверьте до рыбы.

Фамилию она назвала охотно, а потом лично проследила, чтобы я записал правильно.

На ручном участке уже расставляли людей. Ирина, которую на берегу я видел с мешком и бумагами, здесь говорила совсем иначе. Коротко, без объяснения одной просьбы тремя разными способами.

— Эти столы пока не занимать. Здесь будет проход. Девочки, я кому сказала про ящики?

Юра стоял рядом с двумя новенькими. Все трое держали по какой-то мелочи и выглядели так, будто им только что объяснили сразу всё устройство судна.

— Вот его с ними поставь, — сказала Ирина другой женщине. — Пока освоятся.

Женщина была широколицая, с сильными руками. Она посмотрела сначала на Юру, потом на остальных.

— А эти двое у нас освоились уже?

— Валя, я тебе про расстановку говорю.

— Я тоже.

Ирина поджала губы.

Я вспомнил: Валентина Кулешова. Её голос в моей памяти почему-то всегда звучал громко, но сейчас она почти не повышала его. От этого Ирина слышала каждое слово особенно хорошо.

— Ему пока полегче надо, — сказала она.

— У меня всем сначала полегче надо. Потому что первый раз. Ты мне скажи, что он умеет, а не как его зовут.

Юра покраснел.

Я отступил к приводу. Там была моя работа. Когда снова поднял голову, Ирина уже объясняла что-то двум девушкам, а Юра нёс ящик вместе с другим парнем. Кулешова смотрела им вслед.

Разговор явно не закончился. Его пока отложили.

* * *

За закаточным участком готовили места для тепловой обработки, охлаждения, проверки. Потом банкам предстояло уйти на упаковку и в грузовые помещения. Я передал замечание по креплению, проверил свободный проход возле тележек и пошёл к лаборатории.

У лаборатории пришлось подождать. Из-за двери говорили два женских голоса. Старший объяснял, младший переспрашивал про записи.

Потом дверь открылась, и вышла девушка с тетрадью в руке.

Она едва не врезалась в меня, отступила и сказала:

— Вы к Лидии?

Я кивнул.

— Сейчас можно.

Волосы у девушки были убраны, из-под косынки выбилась светлая прядь. Она придержала тетрадь локтем и поправила её, глядя на меня с вежливым ожиданием. Видимо, я мешал пройти.

Я посторонился.

— Спасибо, — сказала она и ушла.

Внутри пахло чистотой, нагретым стеклом и чем-то ещё, знакомым, но не дающимся названию. Лидия выслушала мой вопрос, попросила передать Шубину короткое замечание по подготовке и посмотрела на листок.

— Записал?

— Да.

— Прочти.

Я прочёл. Она поправила одно слово.

Когда вернулся на завод, Шубин принял перечень без особого интереса к моим впечатлениям. Спросил про два крепления, велел одно сделать сегодня, второе проверить вместе с ним. По замечанию Лидии отправил Рустама.

— И проход там не занимать, — добавил он. — Я уже сказал.

Значит, тележки видел и без моего знания будущего.

* * *

Собрание проводили так, чтобы люди могли сменить друг друга. Одновременно бросить все посты ради красивых слов никто не собирался.

Я пришёл с Рустамом. Сел возле прохода: желудок уже угомонился, но испытывать его в духоте не хотелось. В помещении разговаривали, двигали стулья. Кто-то пытался передать через два ряда карандаш. Юра устроился чуть в стороне от сестры.

На стене висел экран социалистического соревнования. Строки ещё не заполнили результатами, зато фамилии бригадиров уже были написаны. Я нашёл Кулешову и Коробову. Возле экрана приготовили место для обязательств.

Красный вымпел лежал на столе. Золотистая бахрома свесилась через край.

Валентина посмотрела на него, потом на женщину, сидевшую в другом ряду. Та заметила взгляд и усмехнулась.

— Смотри-смотри, — сказала она. — Пока близко.

— Подойду ещё, — ответила Валентина.

Женщина была постарше, сухая, с аккуратно причёсанными волосами. Коробова. Зинаида. Теперь я вспомнил её целиком, вместе с привычкой поднимать подбородок, когда слушала объяснения, которыми оставалась недовольна.

Брагин положил бумаги перед собой и начал без долгого вступления.

— Обязательство приняли на берегу, — сказал он. — Теперь надо договориться, как будем выполнять. Цифра на бумаге сама себя не сделает.

Он объяснял расчёт, глядя то в листы, то в зал. Плановое задание, дополнительный выпуск, время работы линий, потери на переходах и обслуживании. На каждые сто по заданию мы обещали дать сто десять годной продукции.

Я прислушался.

Слова были знакомые, но прежний Витька наверняка считал, что они имеют к нему мало отношения. Отработай своё, получи расчёт. А там пусть начальство выясняет, кто кому чего обещал.

Теперь за каждым часом, о котором говорил Брагин, я видел людей. Рустам ночью у машины. Валентина возле своих столов. Сырьё, которое нельзя попросить обождать до утра.

— Юбилейный год, — продолжал Брагин. — Итоги нужны к подведению результатов трудовой вахты. Но это и наш заработок. При устойчивой работе добавку получить можем. Вот здесь показано, за счёт чего.

Он провёл пальцем по бумаге и назвал несколько величин. Не сулил каждому золотые горы, отдельно оговорил зависимость производственной части от результата. Из рядов сразу спросили, что будет со снабжением.

— Заявки подтверждены, — ответил он. — Запас на борту приняли. По дальнейшим подходам будем согласовывать с экспедицией.

Шубин поднял руку.

— В расчёте обслуживание где?

Брагин показал строку.

— Здесь.

— Это текущее. Если по машине потребуется окно, не втиснем туда.

— Будем смотреть по работе.

— По работе я и спрашиваю. Время заранее надо оставлять.

В помещении стало тише. Спор был не новый. Люди, судя по лицам, уже слышали его в разных вариантах и примерно знали, кто сейчас что скажет.

Брагин не вспылил.

— Если понадобится, остановим. Но все возможные остановки заранее заложить — можно сразу меньше обещать.

— Я все не прошу. Я про указанное в перечне.

Капитан Нечаев, до этого слушавший молча, взял лежавший перед ним лист.

Он был не таким внушительным, каким я его помнил. Обычный усталый мужчина, у которого сегодня с утра хватало дел. Только когда поднял глаза, разговоры в дальнем ряду прекратились сами.

— Перечень у меня, — сказал он. — Время обслуживания обеспечим. Понадобится отдельная остановка — доложите заранее, будем согласовывать приёмку.

Шубин кивнул. По лицу Брагина я не понял, устроил ли его ответ.

Потом Нечаев посмотрел на него, и тот коротко добавил:

— Согласуем. Так и рассчитывали.

В их взглядах мелькнуло что-то привычное, давнее. Они умели понимать друг друга по половине движения. Я вдруг вспомнил, как видел их за одним столом на берегу. Нечаев смеялся, Брагин рассказывал историю и помогал себе руками.

Когда это было, вспомнить не сумел.

* * *

По соревнованию вопросов оказалось больше, чем по общей цифре.

Мужчина из судкома зачитал основные условия, напомнил про качество, экономию материалов, дисциплину и обучение молодых. Рядом женщина от партийной организации добавила про обязательства наставников. Коробова дождалась конца и подняла руку.

— Новичков как учитываем?

— В положении написано, — ответили ей.

— Вот и прочтите, как написано. Чтобы потом не вышло: здесь люди опытные, а здесь все первый день.

Валентина откинулась на спинку стула.

— У меня тоже опытные есть.

— Я за тебя рада. Я про одинаковый подсчёт.

Зачитали нужный пункт. Коробова попросила уточнить формулировку в листе, который вывешивают у экрана. Кулешова поддержала. Ирина нахмурилась, но ничего не сказала.

Потом разбирали простой.

Если остановилась общая машина, нельзя было делать вид, что одна бригада вдруг разучилась работать. Если люди сами потеряли время, тоже следовало это видеть. Записи производства, технические отметки, установленный порядок разбора. На слух всё выглядело просто. Я уже представлял, сколько раз за рейс будут выяснять, где именно началась задержка.

— И сырьё разное, — добавила Коробова. — Это тоже не на глаз считать.

Брагин наклонился к столу.

— Порядок общий. По факту будем разбирать, для того записи и ведутся.

— Вот чтобы вели, — сказала она.

Кто-то сзади тихо хмыкнул. Женщина рядом с Коробовой толкнула его локтем, не оборачиваясь.

— Поощрение отдельно, — напомнил мужчина из судкома. — Не путать с обычной выработкой. Условия вот здесь, можно подойти посмотреть. И взаимопомощь у нас записана. Соревнование общее дело не отменяет.

Коробова усмехнулась:

— Я Валентине плохого не желаю. Просто первой буду.

— Сначала будь, — ответила Кулешова.

На этот раз засмеялись многие.

Брагин дал смеху улечься, потом вернулся к цифрам. Закончить повышенное обязательство достойно, держать темп, беречь сырьё. Говорил без бумажной важности, и люди слушали. Им тоже хотелось, чтобы получилось. Кто-то уже мысленно покупал вещь, кто-то собирался закрыть долг, кому-то было приятно выйти в лучшие.

Нечаев подвёл разговор коротко. Обеспечение работы — на руководителях служб, своевременный доклад о неполадках — на каждом по своей части. Утверждённые условия вывесить. С первыми приёмками ознакомят тех, кому положено.

Когда люди начали вставать, Брагин придержал его за рукав, показал что-то на полях. Нечаев наклонился, ответил. Оба улыбнулись, как улыбаются люди, которым не требуется объяснять старую шутку.

Я вышел вслед за Рустамом.

* * *

Валентина догнала Коробову возле трапа. Я шёл следом и невольно услышал:

— У тебя сколько новых?

— Хватает.

— У меня тоже. Ещё и распределяют интересно.

Коробова посмотрела на неё внимательнее.

— Сразу разговаривай. Потом поздно будет.

— Разговариваю.

— Значит, громче надо.

Они разошлись, каждая к своим делам. Ни одна не выглядела человеком, который собирается уступать ради приятной обстановки.

Возле другого трапа Ирина объясняла Юре, когда тот должен поесть. Он слушал, смотрел ей через плечо и при первой возможности ушёл. Валентина заметила это издалека. На лице у неё ничего не изменилось, но я запомнил взгляд.

Рустам спросил, чего я застрял.

— Думаю.

— Опять?

— Ты не пробовал?

Он усмехнулся и первым полез вниз.

* * *

Я шёл на палубу по поручению, когда увидел Бурого и капитана. Они стояли в стороне от прохода. Нечаев смотрел на море, боцман что-то показывал рукой невысоко над бортом.

— С этой стороны удобнее подойти, — говорил Бурый. — Только если к утру раздует, там долго не простоим.

— Уточним время, — ответил капитан. — Готовность доложишь заранее.

— Людей расставлю. Мне бы знать, чтобы не держать их зря.

— Как будет подтверждение, скажу.

Нечаев заметил меня, кивнул на пакет в руке:

— Кому?

Я назвал.

— Проходи.

Я прошёл, стараясь не смотреть слишком пристально. Капитан не выглядел человеком, которому море обещало выполнять обязательства. Он пока просто выяснял, когда и как сможет поставить рядом другое судно, чтобы мы получили работу.

Наверху ветер оказался свежее. Я задержался у борта после поручения, в разрешённом месте, никому не мешая.

Берега уже не было.

Адрес я помнил, а конверт купить не удосужился. Придётся спросить, у кого есть. Первой же почтой напишу матери, что вышли нормально и полотенце пригодилось.

* * *

С первыми назначенными поставками Брагин пришёл на завод сам.

Он разговаривал с Шубиным, сверял время, выслушал ответ насчёт готовности. Я стоял у верстака и убирал ключи, поэтому слышал не всё. Назвали одно добывающее судно, потом другое, обсудили порядок. Сырьё ожидалось скоро, и это мгновенно сделало все разговоры о выработке предметными.

— Не под самый подход мне замечания несите, — сказал Брагин. — Что есть, сейчас говорите.

Шубин ответил, что по проверенному участок готов, оставшееся в перечне, текущие работы закончат к указанному времени.

Брагин посмотрел на меня.

— Лапин?

— Я.

— За своим смотри. Непонятное не держи при себе.

Я кивнул.

Он ушёл. Шубин некоторое время смотрел ему вслед, потом забрал со стола тетрадь.

— Слышал? Смотри.

— Услышал.

— Вот и хорошо. А то у нас каждый всё слышал.

Из прохода позвали механика. Шубин ушёл, Рустам достал из шкафа инструмент для оставшейся мелочи, а я задержался возле подачи тары.

Сейчас всё стояло спокойно. На металле виднелись следы от моих вчерашних пальцев. Направляющий желоб, крепления, привод. Обычная машина с обычной привычкой требовать внимания тогда, когда на него меньше всего времени.

Через некоторое время дали короткую пробу. Людей на участке было немного, торопиться пока не требовалось. Пустые банки зазвенели, пошли вперёд. Я следил за тем местом, где уже видел упавшую.

Первые прошли ровно. Потом поток чуть сжался. Снова потянулся.

Женщина у ручного участка подняла голову.

— Опять дёргает, — сказала она.

Я узнал эти слова раньше, чем понял, что именно услышал.

Точно так же говорили тогда. Не в большом разборе, не на собрании после потерь. В обычный рабочий день, когда банка не пришла вовремя, а следующая ударила в неё сзади.

Я посмотрел на часы и запомнил место.

— Рустам, — позвал я. — Подойди на минуту.

Банки продолжали звенеть.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.